

III. СТИХОТВОРЕНИЯ И НАБРОСКИ

〈НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТРОФА СТИХОТВОРЕНИЯ «СТАНСЫ»*〉

СТАНСЫ (к А. Б-ВУ)

1

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

2

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

3

Все они с душой бесчувственной
Лишь для выгоды своей
Сохраняют жар искусственный
К благу общему людей.

4

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

5

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

* Здесь воспроизводится — для связи — все стихотворение Рылеева; уже известные строфы печатаются петитом.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 272, л. 2.

В автографе имеются две перестановки, обозначенные цифрами поверх строки слева от текста. 2-й стих пятой строфы первоначально читался: «Я один с тех пор брожу». Четвертая строфа первоначально находилась в конце стихотворения. Кроме этих двух перестановок в автографе поправок нет, и его можно считать беловым.

С автографа снят, хранящийся там же, карандашный список рукою А. А. Бестужева со следующими изменениями текста:

- 1) в строфе первой вм. «горький жребий» — «жалкий жребий»;
 - 2) в четвертой строфе вм. «страшно дней не ведать радостных» — «скучно дней не ведать радостных»;
 - 3) в пятой строфе вм. «мир печальный нахожу» — «мир пустынный нахожу».
- В конце списка стоит дата «1824-го» и подпись «А. Бестужев», очевидно имеющая целью завизировать верность списка.

Однако самой важной особенностью этого списка являлось устранение из «Стансов» третьей строфы. В автографе напечатанная выше строфа имеется, в бестужевской копии ее уже нет; надо думать, что устранение этого четверостишия произошло еще до отсылки «Стансов» в цензуру.

Изъятие этой строфы сильно изменило общее звучание стихотворения. После напечатания его в «Полярной звезде» на 1825 г. некоторые из критиков усмотрели в «Стансах» своеобразный рецидив романтической разочарованности. Так, критик «Сына отечества», Д. Р. К. <Д. М. Княжевич>, отнес «Стансы» «к тому роду поэзии, которую г. Кюхельбекер весьма удачно обозначил в III части „Мнемозины“ под именем тоски о погибшей молодости». «Хорошо, — замечал этот критик, — но я не люблю жалоб молодого человека на человечество» («Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198). Буржуазные литературоведы вполне усвоили себе этот взгляд на «Стансы», как на произведение, написанное в подражание Байрону (Н. А. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908, стр. 66).

С первого взгляда «Стансы» Рылеева в самом деле полны этих чисто литературных, условных, оторванных от жизни мотивов. Но это только с первого взгляда. Новонайденная строфа со всей решительностью подчеркивает не индивидуальный, а общественный смысл «Стансов», переводя их тематику из области личных переживаний в общественно-политический план. Поэт полон «тяжкой грусти» и «черной думы» не потому, что, заразившись «байронической» модой, он «разочаровался» в людях, а потому, что эти люди думают лишь о своих выгодах, имеют душу, бесчувственную к «общему благу». Мотивы «хандры» Рылеева — политические. Это «скука» передового человека его времени. Уже здесь частично предвосхищается один из важнейших мотивов рылеевского «Гражданина». Люди с «искусственным жаром» в душе — это то «племя переродившихся славян», которое готово «в постыдной праздности влечить свой век молодой».

КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

ОДА

Герой, отечества спаситель!
Прими от сердца должну дань;
Бог наш защитник, покровитель,
Тебя нам ниспослал на брань!
Уже враги торжествовали,
Уж в злобной ярости мечтали,

«ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ»

Картина маслом О. А. Кипренского, 1805 г.

Сцена, изображенная художником, близка к описанию, данному Рылевым в финальных строках думы «Дмитрий Донской»:

Гласят: «Ты победи! восстан!» —

И князь, возлеши к небу длани:

«Ведик нас ополчивши в брань,...

...Но вот к стенишему герою
Притек сонм юев и князей.

Вот, преклонив трофей брани,

Русский музей, Ленинград

Здесь русский покорить народ!
 Но ты лишь в стан успел явиться,
 Как гордый стал тебя страшиться
 И ошупью пошел вперед!

*

Пошел вперед — и гибель верну
 Мечтал ли он найти себе?
 Но казнь ужасну, беспримерну,
 Определил творец тебе
 Свершить над сонмом кровопийцев,
 Грабителей, эхидн, убийцев!
 Грехами, гнусностью своей,
 Давно уж всех превосходивших,
 И тем достойно заслуживших
 Ужасный гнев царя-царей!

*

Врагов презрел ты все коварства,
 На бога верой уповал
 И мня лишь о спасении царства,
 Ты оное всяк час спасал!
 На страшном поле Бородинском,
 В бою кровавом, исполинском,
 Ты показал, что может росс!
 На бога веру возлагая,
 Врагов все силы презирая,
 Он всюду, всегда колосс.

*

С своими чувствами сражаясь.
 Решился ты Москву отдать;
 Но духом паче укрепляясь,
 Един лишь ты возмог сказать:
 «Столицы царств не составляют!»
 И се — уж россы низлагают
 Наполеонов буйный рог!
 Тарутин, Красный доказали,
 Где россы галлов поражали,
 Что правым есть защита — бог!

*

И что доколь славян потомки
 Царя и веру будут чтить,
 Дотоль дела их будут громки,
 Дотоль их будет бог хранить!
 Скажи Кутузовым попранный,
 О галл, грехами обуянный,
 Что он есть ангел пред тобой,
 Скажи, что он Алкид российский,
 Что ты — дух злобный, лютый, низкий
 Исчадь ада, не герой!

*

Вселенная давно страдала
 От честолюбия врага,
 Уже одна ее стояла
 У краю гибели нога;
 Как вдруг, герой, ты появился

И мир надеждой озарился,
Что ты спасешь его от бед,
Уже висевших над главою!

«ЕДИНОБОРСТВО МСТИСЛАВА УДАЛОГО С РЕДЕДЕЙ»
ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДУМЕ РЫЛЕЕВА «МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ»

С рисунка А. Земцова

«Нива», 1884 г., № 23

И се — уж мир спасен тобою,
Сразил врагов — и где их след?

*

Их след остался на равнинах,
На век кичливому во срам!
А кости их, в лесах, в долинах,
Во славу памятники нам!

Ты сих, Кутузов, дел творитель,
 Где царств надменный покоритель,
 Где сей ужасный бич людей,
 Кого страшились земны боги?
 Его умчали быстры ноги,
 С венчаных храбростью полей!

*

Ты шел за ним во след — и слава
 Летела быстро на крылах,
 Кичлива, гордая Варшава
 Упала пред тобой во прах!
 Несчастлива Пруссия стенала,
 От ига злобна, алчна галла,
 Но ты, сразя ее врагов,
 Сразя французов, злобных, ярых,
 Друзей царю доставил старых,
 Извел из тягостных оков.

*

Такою славой осиянный,
 Среди великих дел, побед,
 Стократ ты, лаврами венчанный,
 Прешел, Кутузов, в лучший свет!
 Твои дела, защитник трона,
 Священной веры и закона —
 Из века паче будут в век
 Все с новой славой преливаться
 И гласно в мире отзываться,
 Что ты великий человек!

Кондратий Р ы л е е в

Беловой автограф. Архив внешней политики России (Москва), дело «К. Ф. Рылеев».

Две строфы этой оды (шестая и седьмая) были не совсем исправно опубликованы В. Эйнгорном в «Лит. газете» от 20 апреля 1941 г., № 16.

Судя по содержанию и по тому, что ода «Князю Смоленскому» находится среди бумаг Рылеева, датированных исключительно 1814 г. (см. о них на стр. 168), она, несомненно, относится к 1814 г., ко времени пребывания Рылеева в Германии. Ода развивает патристическую тему стихотворения «Любовь к отчизне», написанного Рылевым в 1813 г., вскоре после смерти Кутузова:

Хвала, отечества спаситель!
 Хвала, хвала, отчизны сын!
 Злодейских замыслов рушитель,
 России верный гражданин,
 И бич, и ужас всех французов!
 Скончался телом ты, Кутузов,
 И будешь вечно жить, герой —
 И в будущие веки славен,
 И не дерзнет уж враг злонаправен
 России нарушать покой!..

Обе оды выдержаны в одном и том же размере четырехстопного ямба и имеют одинаковую строфу.

〈НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТРЫВОК САТИРЫ «ПУТЬ К СЧАСТИЮ»〉

Ну, словом, льсти всегда, со всеми соглашайся.
 На утлой ладие пристать к земле старайся.
 Я знаю, милый друг, со мной ты не согласен,
 Но, верь, иной здесь путь и труден и опасен!

«СВЯТОПОЛК ОКАЯННЫЙ, ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ВИДЕНИЯМИ
 БРАТЬЕВ». ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДУМЕ РЫЛЕЕВА
 «СВЯТОПОЛК»

С рисунка К. Кошелева
 «Нива», 1894 г., № 39

Всегда должно ползти, у знати пресмыкаться,
 Споткнешься если где, скорее подниматься.
 Не думай, впрочем, ты сему, чтоб я учил,
 Неправо, низко бы тогда я поступил;
 Но я лишь говорю, чтоб быть счастливым в свете,
 То правила сии должно иметь в предмете!
 Но, если аду рай, мой друг, предпочитаешь,

Когда душой к творцу вселенны воспаряешь,
 То зло, неправду, лезть обязан ты презреть
 И в помыслах добро единое иметь:
 Коль близок ты к царю, лишь правду говори,
 И, сколько силы есть, людям добро твори!
 Коль рок судил тебе в палате заседать,
 То должен правильно веса свои держать.

Смотри, Неправдин сей как знатен, как богат!
 И сам уж государь ему как панибрат!
 На бойкой четверне, в карете щегольской,
 Летит и пыль клубом взвивает за собой!
 А чернь, остановясь, разинув рот, дивится!
 Но, ах! проклятий тьма за ним вослед стремится!

Смотри же, Добров сей, в палату поспешая,
 В грязи и слякоти, бедняжко, утопая,
 Точит с лица свой пот, здоровье умалая,
 Нет нужды до сего; он бедных защищает!
 Не раз бессильного от сильного спасав
 И имя доброе за то себе снискав,
 Об деньгах вовсе он, хотя бедняк, не мыслит,
 Зане богатство он, что счастье, не ищет.
 Не звав о прихотях, не думая о злате,
 Доволен он живет в своей укромной хате.

Неправдин хоть богат, имеет стол открытый,
 Хоть кушает желе, пастеты и бисквиты,
 Хотя в дому его всегда гремит музыка,
 Но, ах! не заглушить у совести языка!
 Она от истинных веселий удаляет!
 Она и в пиршествах несчастного смущает!

Беловой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 8—8 об.

Автограф представляет собою две страницы (27 и 28-ю) одного листа, вырванного из тетради, вернее всего из рукописного сборника стихотворений Рыльева. Местонахождение этой тетради неизвестно. Судя по почерку поэта и бумаге, отрывок следует отнести к ранним произведениям Рыльева, написанным еще в Острогжске.

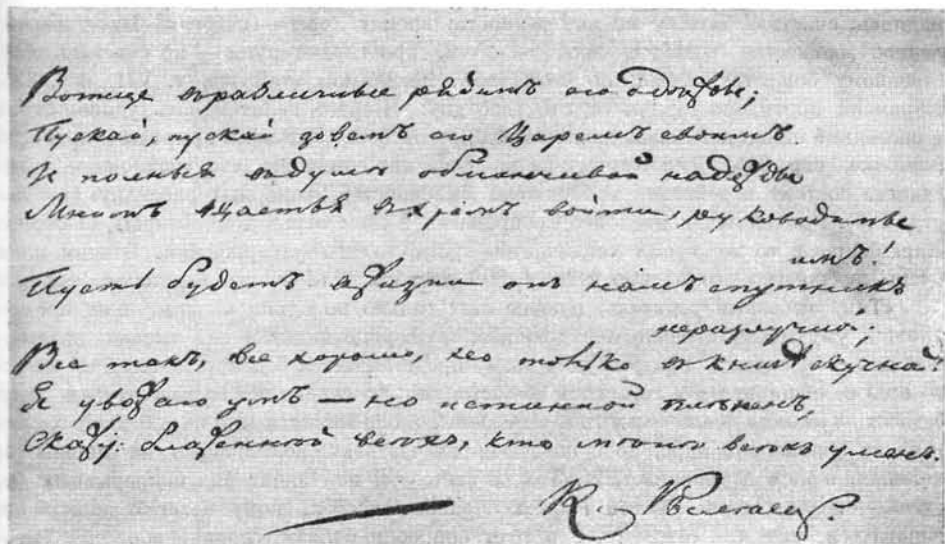
По своему содержанию отрывок примыкает к сатире «Путь к счастью», которая 25 апреля 1821 г. представлена была Рылевым в Вольное общество любителей российской словесности. О связи отрывка с сатирой «Путь к счастью» говорит и общая тема — обличение лстеца. В стихотворении «богач» говорит: «Искусно должно льстить, чтоб быть лстецом приятным», в отрывке: «Ну, словом, льсти всегда, со всеми соглашайся». У печатаемого отрывка тот же метр шестистопного ямба и та же система парной рифмовки; сходны со стихотворением и образы (там «Невеждина», здесь «Неправдина»). Однако самым убедительным доводом является почти полное повторение одного места отрывка в печатном тексте сатиры. В отрывке:

На бойкой четверне, в карете щегольской,
 Летит и пыль клубом взвивает за собой!

В печатном тексте это место перефразировано:

В карете щегольской, на четверне гнedyх
 Летишь, как вихрь, и, пыль взвивая за собою,
 Знакомым с важностью киваешь головою!

Диалог между «богачом» и «поэтом» еще не получил в отрывке ясного членения, хотя можно предполагать, что первые 10 стихов должен был произносить

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ РЫЛЕЕВА «ВОТЩЕ В РАЗЛИЧНЫЕ
РЯДИМ ЕГО ОДЕЖДЫ...», 1821 г.
Центральный исторический архив, Москва

«богач», а со стиха «Но, если аду рай, мой друг, предпочитаешь», начинал говорить «поэт».

Публикуемый здесь отрывок, вероятнее всего, представляет собою часть «Пути к счастью» в первоначальной, не дошедшей до нас редакции.

В публикуемом отрывке чрезвычайно любопытны стихи о Доброве, который, не щадя своих сил, защищает в палате бедных и спасает «бессильного от сильного». Стихи эти вскоре приобрели автобиографическое значение: 24 января 1821 г., уже после написания отрывка и за три месяца до чтения «Пути к счастью», Рылеев начал работать в Петербургской палате уголовного суда.

«ВОТЩЕ В РАЗЛИЧНЫЕ РЯДИМ ЕГО ОДЕЖДЫ»

Вотще в различные рядим его одежды;
Пускай, пускай зовем его царем своим
И, полные в душе обманчивой надежды,
Мним счастья в храм войти, руководимы им!
Пусть будет в жизни он нам спутник неразлучный;
Все так, все хорошо, но только в книге скучной!
Я уважаю ум — но, истиной пленен,
Скажу: блаженней всех, кто мене всех умен.

К. Рылеев

Беловой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 274, л. 1.

Восьмистишие это находится в той же рукописи, что и беловой автограф послания к А. П. Ермолову (там же, л. 2), и сходно с последним по почерку и чернилам, поэтому его следует датировать 1821 г.

По основательному предположению Ю. Г. Оксмана, в этом отрывке Рылеев полемизирует с афоризмом Н. М. Карамзина: «Просвещенный ум есть царь земли» («Письма русского путешественника», ч. IV. — Сочинения, т. V. СПб., 1803, стр. 254). См. также в диалоге Карамзина «Разговор о счастье»: «Я представляю себе здешний свет великолепным храмом: на портиках, на перистиле, на колоннах, везде сияет

надпись: счастью! Вхожу во внутренность: гремят хоры — счастью! Вижу бесчисленное множество людей: спешат, теснятся, простирают руки — ко счастью, единственному божеству храма; но божество... невидимо!» (там же, т. VII, стр. 225). Карамзин противопоставлял сердце рассудку: «Первое велит искать удовольствий, а последний одних невинных удовольствий, согласных с законами природы и мудрости» (там же, стр. 234). Для Карамзина не подлежит сомнению, что «возможное земное счастье состоит в действии врожденных склонностей, покорных рассудку» (там же, стр. 269). Рылеев почти дословно воспроизвел в этом отрывке некоторые из образов Карамзина, в то же время опровергая существо его утверждений. В этом плане очень любопытно его письмо к отцу от 7 декабря 1812 г. из кадетского корпуса:

«Так, любезный родитель, я знаю свет только по одним *книгам*, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии; но сердце показывает эту же самую бедность *в алчных цепях вольности и дружбы*, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащую на мягких пуховиках, в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий — и ужасается». Юный Рылеев спрашивает себя, «кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу?», и решает вопрос в пользу сердца, ибо ум «бывает всегда важен, разбирателен, строг, осудителен, все почти человеческие страсти и предприятия осуждает безжалостно; свет для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, где не находит он ни единого человека, между тем как он с избытком наполнен ими» (Рылеев. Соч., стр. 428—429). Романтически настроенный юноша отвергает сухой рассудок, сеющий лишь один бесплодный скептицизм. Насколько выше его «сердце», которое учит человека: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». Уже в 1812 г. — в пору Отечественной войны — Рылеев отвергал скептицизм во имя энтузиазма, умное, но бесплодное бездействие — во имя героики гражданского подвига.

От этих юношеских рассуждений Рылеева идет прямой путь к написанному девятью годами позже стихотворению «Вотще в различные рядим его одежды».

<ПЕРЕВОД БАЛЛАДЫ А. МИЦКЕВИЧА «СВИТЕЗЯНКА»>

Что за девица прелесть красую,
 Что за прекрасный юноша с ней.
 Вместе из бору поздней порою
 Идут при свете бледных лучей.

Парню — малины в дар из кошницы,
 Парень — цветочки ей для венка.
 Верно, любовник он той девицы,
 Верно, подруга парню она.

Поздней порою в час полунощи,
 Верно, свиданье там у ручья.
 Парень — охотник соседствен<ной> рощи.
 Кто ж эта дева — не ведаю я.

Спросим: откуда? — тщетно, напрасно;
 Где пребыванье — бог весть о том;
 Как на болоте пла<мень> неясный
 Вспыхнет — и быстро погаснет потом.

«Дело ль быть скрытной, дева младая;
Скоро ли будет тайне конец?
Другу откройся, прошу, умоляю,
Родом откуда, кто твой отец?

Минуло лето, листья поблекли,
Ветр их со свистом носит в полях,
Села и рощи от дождика взмокли,
Холод осенн(ий) дышит в лесах.

Робкою серной к бору сырому
Или как призрак бродит ночной.
Лучше, поверя другу младому,
Лучше останься, дева, со мной.

Там на полянке, в роще дубовой,
Хата простая близ ручейка,
Все в ней с избытком будет готово
Овощей, дичи и молока».

«Стой, удержися, — дева вещает, —
Помню твердил мне порою отец:
Голос мужчины — душу пленяет,
В сердце коварный кроет(ся) льстед.

Я от природы с робкой душою,
Что, если бросишь в чуждой стране;
Может, была бы дева твоею,
Если б ты верен вечно был мне».

Юноша клялся, клялся ужасно,
Горсть ухвативши хладной земли;
Месяц блеснул из тучи неясно,
Гром прокатился глухо вдали *.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, лл. 9—10 об.

Набросок этот представляет собою вольный перевод баллады А. Мицкевича «Свитезянка». Баллада эта вошла в сборник стихотворений Мицкевича 1822 г. (см. А. М и ц к е в и ч. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 266—270); этим в известной мере определяется и дата рылеевского перевода. Вернее всего он был сделан именно в 1822 г., в то же время, что и перевод Рылеевым баллады Мицкевича «Лилий». Рылеева мог привлечь к себе фольклорный сюжет баллады, о которой сам Мицкевич писал: «Существует поверье, что на берегах Свитезя появляются ундины или нимфы, которых сельский люд называет свитезянками» (там же, стр. 494). Перевод «Свитезянки» остался незавершенным, так же, как и перевод «Лилий». Сравнение чернового наброска «Свитезянки» с оригиналом показывает, что Рылеев сокращенно передал в своем переводе начальную часть баллады Мицкевича.

В том же фонде № 279 (Якушкиных) сохранился другой перевод Рылеева — необработанный подстрочный перевод (с французского) стихотворения Проперция «К Цинтии» («К чему убирать чело твое иноземными прикрасами...»), 1821 г., 32 стиха (оп. 1, ед. хр. 273, л. 1).

* Далее зачеркнуто незаконченное четверостишие:

Бойся нарушить, юноша милый,
Клятву ты эту дал навсегда,
Кто ей изменит, ее за могилой,
И здесь, и повсюду...

НАБРОСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

<1>

Как *солнце* ни блестит и как оно ни светит,
 Но *пятна* астроном
 И в нем, —
 Коль телескоп хорош, — приметит...

<2>

Кто б ни был ты: служитель алтаря,
 Иль раб во вретипе, иль властелин в порфире,
 Друг человечества или злодей,
 Герой, которого трепещут в мире, —
 Ах! и тебя сей жребий не м<инует?>.

<3>

В своем я горе безотраден,
 Ты равнодушна, как всегда:
 Твой милый взор все так же хладен,
 Как прежде, ты любви чужда.
 Язык любви еще невнятен
 Душе младенческой твоей...

<4>

Когда вечерние лучи златого Феба
 Потухнут, догорев, и юная луна
 В пучине голубой безоблачного неба
 В ночи появится, уныла и бледна, —
 Люблю, уединясь, во мраке рощи дальней,
 При шопоте дерев, в мечтаниях бродить
 И чувства пылкие в душе своей печальной
 Воспоминанием протекшего будить.
 [Ах! Некогда и я восторгам предавался,
 И я блаженствовал, и я отраду пил,
 И я, и я мечтам с беспечностью вверялся]
 Здесь о превратности мне все напоминает:
 Ряды рассеянных могил в степи глухой...

<5>

[Была уж ночь, когда я подходил
 К Кирилловой обители пустынной;
 Средь ясных звезд по небу месяц плыл
 Там, где убийство тиран совершил...]

<6>

Долго ли, други, рабствовать нам?
 Утомленная враждой,
 Вся Украина ждет покою,
 Жаждут мира всей душой.

знаешь Фирса чудака» и «Бездепок несколько наш Бавий накропав» (обе эти эпиграммы, по указанию самого Рылеева, были написаны в Острогожске. — См. Рылеев. Стих., стр. 269).

Публикуемые стихи написаны на обороте следующей записи:

«*Туром* называют двурогого жука, большого, черного, летающего ночью. Живет более он в дубравах и в садах; днем его не видно. Голову с рогами здешние простолюдины употребляют от лихорадки.

Майданы, селитренники — могилы татарские, в которых находят секиры, бердыши и проч.

Кость берцовая, найденная Дан<иилом?> Шапочкою в самом устье реки Россоси, где она сливается с р<екою> Песчаною, по владении Шапочкиных, на правом берегу оной, в лепловатой глине (пепельнуха)».

Еще в 1934 г. Ю. Г. Оксман опубликовал запись Рылеева на одном из его автографов острогожской поры «Свойство Болонского камня»: «Около Острогожска, на Мереле Городище. Оба город<ища> на Поспудани <?>, спросить Фролова. О ведьмах — у Забуси. О свадьбах. Порча» (Рылеев. Стих., стр. 525). Ныне к этой фольклорной записи прибавляется вторая — археологического характера. Рылеев явно имеет в виду район Острогожска, Белогорья и Подгорного, где жили Тевяшвы: именно там реки Россось и Песчаная впадают в Дон.

Записи Рылеева предположительно датируются летом 1821 г., когда Рылеев жил в Острогожске и Подгорном.

<3> Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269, ч. II, л. 10. — Отрывок находится среди черновиков поэмы «Войнаровский». По содержанию близок к записям Рылеева «В альбом Т. С. К.». Датируется 1824—1825 гг.

<4> Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 275, л. 1 (рукопись имеет вид полуплиста). — Отрывок выдержан в жанре элегии.

<5> Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 277, л. 1. — Весь текст Рылевым перечеркнут. Записан вместе с отрывком песни сторонников Мазепы («Смело, други, брат за братом») и на обороте отрывка из начатой думы о Софье («Повсюду вопли, стоны, крики»). Представляет собою запись одного из неосуществленных исторических произведений Рылеева.

<6> Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 7, л. 5 об. — Отрывок находится перед песней «Смело, други!.. в бой свирепый» и по содержанию, несомненно, примыкает к ней. Датируется 1822 г.